

Линь Ле Тянь происходил из бедной семьи и начал свой путь простым евнухом, ответственным за уборку. Шаг за шагом он карабкался по карьерной лестнице и ко времени правления покойного императора уже стал его доверенным лицом, пользующимся безграничной благосклонностью.

Он был красив, словно юная дева, и во дворце давно ходили слухи, будто он добился своего положения, соблазнив государя. Хань Ци, будучи в детстве нелюбимым принцем, крайне редко видел отца, а потому и воспоминания о его фаворите-евнухе были смутными.

В глубине души Хань Ци, конечно, не желал верить, что его отец мог оказаться правителем, ослеплённым чужой красотой. Он всегда считал эти пересуды не более чем низкопробными дворцовыми сплетнями, полагая, что Линь Ле Тянь добился всего исключительно благодаря своей злой и коварной натуре.

Однако, увидев воочию красоту этого человека и его необычайно нежное отношение к Цзун Яню, Хань Ци не мог не насторожиться.

В конце концов, во дворце и впрямь случались невыразимые и порочные истории между евнухами и принцами, особенно в юном возрасте, когда неопытных наследников так легко было совратить.

Ле Тянь уловил на себе испытующий взгляд Хань Ци и, желая немного подразнить его, с улыбкой ответил Цзун Яню:

— Хорошо.

Цзун Янь радостно вскрикнул и, снова уткнувшись лицом в пояс Ле Тяня, глубоко вдохнул, а затем поднял сияющее лицо.

— Малыш Линь пахнет лучше всех.

От одного упоминания об этом Ле Тянь начинал раздражаться. Тело Линь Ле Тяня и впрямь источало аромат. Он уже нарочито грубо обходился с собой, не мылся по три дня, но кожа оставалась нежной, как застывший жир, а изнутри исходил лёгкий сладковатый запах, похожий на его любимые клубничные леденцы. Из-за этого каждую ночь ему снилось, будто он ест клубнику.

На самом деле, когда Цзун Янь был ещё принцем, они часто спали вместе. Это был один из методов ментального контроля, который использовал настоящий Линь Ле Тянь. К счастью, хоть тот и был извращенцем, к мужчинам он интереса не проявлял.

Цзун Янь взял Ле Тяня за руку, чтобы увести его на ужин. Хань Ци немного поколебался, но затем, набравшись наглости, последовал за ними.

Императору не понравилось, как прислуживала Чжу Чучу, и он потребовал, чтобы это делал Ле Тянь.

Чжу Чучу от обиды едва не расплакалась. Она так старалась, но Цзун Янь был вечно недоволен.

Терпя боль в пояснице, Ле Тянь отработал трапезу, в полной мере прочувствовав, насколько тяжёл родительский труд.

Согласно правилам, Линь Ле Тянь не имел права возлежать на императорском ложе. Так называемый «совместный сон» с Цзун Янем означал лишь то, что у подножия драконьей кровати расстилали тонкое одеяло, на котором евнух и должен был провести ночь, свернувшись калачиком.

Увидев это, Хань Ци немного успокоился. Поскольку ему никто не отдавал приказов, он по собственной инициативе встал на страже в покоях, хотя на самом деле лишь наблюдал за Линь Ле Тянем, опасаясь, что тот замыслил нечто неподобающее против Цзун Яня.

Цзун Янь, лёжа на животе на краю кровати, смотрел вниз на Ле Тяня. Его ноги болтались в воздухе.

— Малыш Линь, поднимайся, поспишь со мной.

— Ваше Величество, это против правил.

Линь Ле Тянь лежал, укутанный в алое шёлковое одеяло. Его тёмные волосы рассыпались по подушке, а черты лица дышали спокойной нежностью. Боясь холода, он плотно завернулся в одеяло, так что наружу выглядывало лишь его бледное лицо размером с ладонь.

Цзун Янь протянул руку и, подхватив прядь волос Линь Ле Тяня, принялся играть с ней. Мягкие, как шёлк, и прохладные на ощупь, волосы струились в его ладони. Сжимая и разжимая кулак, он что-то нашёптывал Ле Тяню.

Тот снисходительно смотрел на императора снизу вверх, время от времени кивая и отвечая тихой фразой.

С того места, где стоял Хань Ци, были видны лишь бледные губы Ле Тяня, что изредка шевелились или изгибались в лёгкой улыбке. Он казался таким безобидным и нежным, что Хань Ци с трудом верилось — этот самый человек хладнокровно истребил одиннадцать его братьев.

Внезапно Линь Ле Тянь, словно почувствовав его взгляд, бросил в его сторону короткий, мимолётный взгляд. И этот взгляд принадлежал тому самому Девяти тысячелетнему, которого Хань Ци знал и боялся: ледяной, бесстрастный, полный безмолвной угрозы. Хань Ци поспешно отвёл глаза.

И тут же его осенило: вся нежность и ласка Линь Ле Тяня предназначались лишь Цзун Яню. Единственным, кому он считал нужным являть свою мягкость, был император.

Цзун Янь, в конце концов, был ещё ребёнком и, разговаривая, быстро утомился. Сжимая в руке прядь волос Ле Тяня, он заснул, уронив голову на грудь.

Ле Тянь осторожно высвободил волосы из его пальцев и, с трудом приподнявшись, поманил Хань Ци рукой.

Хань Ци, помедлив мгновение, подошёл и склонился.

Линь Ле Тянь, закутанный в одеяло, походил на маленького, зябнущего котёнка. Его голос был таким же тихим и мягким, когда он, прильнув к уху Хань Ци, прошептал:

— Уложите Его Величество. И будьте осторожны.

В последних словах Хань Ци уловил нотку скрытого упрёка. Уголки его губ дрогнули в едва заметной усмешке, но тут же вновь застыли в прямой линии. Он почтительно сложил руки, затем осторожно поднял Цзун Яня, своего единственного оставшегося в живых младшего брата, и аккуратно уложил его в центре огромной кровати, укрыв парчовым одеялом.

Исполняя это, Хань Ци чувствовал лишь нежность. Он не винил Цзун Яня за то, что тот взошёл на трон. Он был уверен — во всём виноват Линь Ле Тянь, а его брат оставался в неведении.

Ему отчаянно хотелось с любовью коснуться спящего лица брата, но его нынешний статус этого не позволял. Подавив порыв, он резко отстранился и поклонился Ле Тяню.

Тот снова поманил его рукой. Хань Ци опять наклонился, и кошачий шёпот вновь коснулся его уха:

— Неси меня.

Хань Ци замер от потрясения, но, поколебавшись лишь миг, послушно наклонился и поднял его вместе с тонким одеялом. Человек в его руках оказался поразительно лёгким, даже с одеялом почти невесомым.

— Наружу.

Хань Ци повинился и вынес Ле Тяня из внутренних покоев Дворца Пурпурного Небосвода.

Ле Тянь тихо кашлянул. Хань Ци тут же наклонился ниже.

— Позови лекаря. Скажи, чтобы тихо.

Боль стала невыносимой.

Кожа Линь Ле Тяня была нежнее тофу. Боль в пояснице не только не утихла со временем, но, напротив, лишь усиливалась.

Лекарь явился быстро и, как было приказано, тихо. Он проскользнул в комнату на цыпочках и, увидев Ле Тяня на руках у Хань Ци, растерялся.

— Девятитысячелетний, вы... больны?

Ле Тянь высунул из-под одеяла своё бледное лицо.

— Судья-лекарь Чжан, у меня болит поясница.

Он говорил спокойно, но Хань Ци каким-то непостижимым образом услышал в его голосе жалобные нотки.

Судья-лекарь Чжан, который регулярно следил за здоровьем Линь Ле Тяня, не помнил, чтобы у того когда-либо были проблемы с поясницей.

— Когда это началось? — с недоумением спросил он.

— Ночью. Слева. Очень болит.

Судья-лекарь Чжан обратился к незнакомому ему Хань Ци:

— Господин, прошу вас, присядьте.

Хань Ци, держа Ле Тяня на руках, опустился на кушетку. По указанию лекаря он развернул одеяло. Под ним на Ле Тяне была лишь одна тонкая белоснежная рубашка, сквозь которую просвечивала его сияющая кожа. Хань Ци мельком взглянул на него и тут же отвёл глаза, уставившись на изображение пятипалого золотого дракона на потолке.

Судья-лекарь Чжан легонько нажал на то место, где, по словам Ле Тяня, была боль. Тот едва не

вскрикнул и, успев сдержаться, лишь тихо простонал, крепче вцепившись в руку Хань Ци.

Хань Ци мгновенно напрягся, словно окаменев. Каждая мышца его тела была натянута как струна.

— Девятитысячелетний, боюсь, чтобы осмотреть травму, придётся снять одежду... — осторожно произнёс судья-лекарь Чжан.

Зная характер Линь Ле Тяня, он скорее предпочёл бы умереть от боли, чем обнажиться перед кем-то.

— Всем закрыть глаза, — ледяным тоном приказал Ле Тянь.

Евнухи и служанки в панике отвернулись. Хань Ци, державший его на руках, тоже послушно сомкнул веки.

Как только он закрыл глаза, остальные чувства обострились в несколько раз. Он отчётливо ощущал тонкий аромат, исходящий от тела Линь Ле Тяня, — не приторный, но такой сладкий, что у Хань Ци защемило сердце.

Когда одежду приподняли, на пояснице Ле Тяня обнаружился уродливый багрово-синий синяк.

— Да это же внешняя травма, Ваше Тысячелетие! — ахнул судья-лекарь Чжан. — Кто... кто посмел вас ранить?

Ле Тянь бросил взгляд на Хань Ци, который стоял с закрытыми глазами. На лбу его выступил холодный пот, капля которого скользнула по мужественному подбородку и скрылась за высоким воротом. Что ж, красота даёт свои привилегии.

— Налетел на дикого пса, — холодно бросил Ле Тянь.

<http://bllate.org/book/15325/1412579>